
Татьяна
Плотникова
ДЕТСКИЙ
ЛАГЕРЬ
То лето,
которое
осталось
18+
Любовь. Страсть.
Лето, которое
изменило всё...

Тати Саратов

То лето, которое осталось

«Автор»
2026

Саратов Т.

То лето, которое осталось / Т. Саратов — «Автор», 2026

Их лето пахло нагретой хвоей и обжигающей страстью. Оля — столичная студентка. Никита — простой вожатый-физрук. Их притяжение было подобно удару тока, а безумные тайные ночи на старом причале обещали вечность. Но вместо нее случились повестка в армию, уязвленная мужская гордость и молчание, оборвавшее всё в один день.Одиннадцать лет спустя у каждого своя, безупречная со стороны жизнь. Оля — успешный редактор и жена идеального мужа. Никита — суровый строитель и надежный отец двоих детей. Они научились жить порознь. Но в скрытых папках их смартфонов копятся сотни неотправленных писем.Что произойдет, если однажды ночью кто-то из них всё-таки нажмет кнопку «Отправить»? Одно сообщение заставит их встретиться в заброшенном зимнем лагере. Но можно ли отдаться воскресшей дикой страсти, если за вашей спиной семьи, которые ни в чем не виноваты? И хватит ли им мужества сделать самый тяжелый выбор в своей жизни?

© Саратов Т., 2026
© Автор, 2026

Тати Саратов
То лето, которое осталось

ЭХО ТОГО ЛЕТА

Глава 1. Автобус в никуда и луч в пыльной столовой

Рейсовый «ПАЗик» цвета перезрелой вишни трясло на ухабах уже четвертый час. С каждым километром, отделявшим их от областного центра, асфальт становился все более щербатым, пока окончательно не уступил место укатанной гравийке, пересыпанной рыжей сосновой хвоей. В салоне стоял густой, липкий зной, смешанный с запахом бензина, дерматина и пыли, которая клубилась в косых лучах полуденного солнца.

Оля прижималась горячим лбом к вибрирующему стеклу. За окном мелькали бесконечные сосновые боры, изредка перемежавшиеся болотными окнами и желтыми полями сурепки. Ей был двадцать один год. Третий курс журфака МГУ позади, но она сбежала. Сбежала от удушающей московской коммуналки и от бесперспективного романа с Кириллом — старшекурсником с филфака, который умел красиво цитировать Бродского, но не умел брать ответственность ни за свои слова, ни за свои поступки. Командировка в летний молодежный лагерь «Озерный» стала ее спасательным кругом. Официально — она должна была писать серию очерков о педагогической практике студентов. Неофициально — ей отчаянно хотелось почувствовать под ногами настоящую землю, а не московский раскаленный асфальт.

Ленка, ее подруга, сидевшая рядом, энергично обмахивалась сложенной вдвое брошюрой по технике безопасности. Ленка была ее полной противоположностью: круглолицая, рыжеволосая, громкая девица с кафедры радиовещания, которая шла по жизни с грацией танка и искренне верила, что любая депрессия лечится бокалом ледяного шампанского и хорошей порцией мужского внимания.

— Олька, ты жива там? — Ленка с шумом выдохнула. — Жива, — слабо улыбнулась Оля, смахивая со лба мокрую прядь темно-каштановых волос. — Только ощущение, будто меня в центрифуге прокрутили. — Ничего, сейчас доедем, искупаемся в озере — и как новенькие будем. Мне девчонки с педа говорили, что в этом году на практику пригнали — целый взвод парней! Здоровые, плечистые, не то что наши хлюпики с международной журналистики, которые тяжелее бокала просекко в жизни ничего не поднимали.

Автобус со скрежетом затормозил перед массивными воротами, украшенными резными советскими медведями и свежей растяжкой: «Добро пожаловать в „Озерный“!».

Началась привычная лагерная суета. Завхоз — сухопарый мужик с испитым лицом и связкой ключей размером с кулак — орал в мегафон, распределяя корпуса. Журналистам достался четвертый сектор: старые деревянные щитовые домики в глубине лагеря, наполовину утонувшие в зарослях папоротника и дикой малины.

Комнатка оказалась спартанской: две панцирные койки, выкрашенные белой эмалью, скрипучий шкаф без одной дверцы и круглое зеркало на фанерной стене.

Столовая лагеря представляла собой циклопическое деревянное строение. Внутри стоял оглушительный гул. Обед был традиционным: борщ, гречка с тушенкой и компот. Ленка быстро разделалась с едой и убежала на главную аллею знакомиться с организаторами вечернего костра. Оля задержалась. Ей нужно было переписать на диктофон первые путевые заметки.

Зал постепенно пустел. Оля положила подбородок на сложенные руки, глядя, как в косых столбах солнечного света кружатся мелкие пылинки.

Вдруг дверь со стороны веранды тихо скрипнула. Оля машинально повернула голову к центральной деревянной лестнице.

И время споткнулось.

На верхней ступени стоял парень. Он только что вошел с улицы, и слепящий контровой свет превращал его фигуру в четкий, античный рельеф. Широкие, развернутые плечи, простая темно-серая футболка, короткие хлопковые шорты. Густые темные волосы были мокрыми — он, видимо, только что обливался водой у уличного рукомойника — и тяжелыми прядями падали на лоб.

Он спускался не спеша, с той особой, пружинящей звериной грацией, которая бывает только у людей, выросших на природе.

Оля смотрела на него в упор, не в силах отвести взгляд. Сердце в груди сначала замерло, а потом с глухим, тяжелым грохотом ударило в ребра.

Парень почувствовал ее взгляд. Он остановился на середине лестницы, медленно повернул голову и посмотрел прямо на нее.

У него были невероятные глаза: серо-зеленые, глубокие, цвета озерной воды в шторм. Секунду он разглядывал ее — тонкую, с распахнутыми глазами, застывшую над раскрытым блокнотом. А потом его губы дрогнули. Он улыбнулся — открыто, тепло и немного смущенно.

Внутри у Оли что-то сорвалось и рухнуло в бездну. Парень сошел с лестницы и пошел к выходу мимо ее стола. Когда он поравнялся с ней, воздух между ними словно сгустился. От него пахло раскаленным солнцем, сосновой корой и тем чистым, пряным мужским теплом, от которого у Оли закружилась голова.

— Привет, — произнес он негромко. Голос оказался низким, с легкой бархатной хрипотцой.

Он вышел на веранду и исчез в сосновых тенях. Оля осталась сидеть в звенящей тишине. Пальцы дрожали. Она опустила глаза на блокнот, на пустой разлинованный лист. Рука сама потянулась к шариковой ручке. Не думая, она вывела неровным почерком:

«Я только что увидела человека, который изменит мою жизнь. И я не знаю, радоваться мне или бежать без оглядки».

К трем часам дня лагерь окончательно проснулся после расселения. По гравийным дорожкам сновали вожатые с пачками ватманов и банками гуаши, методисты раздавали расписания лагерных линеек, а из громкоговорителей на соснах неслась бодрая эстрада.

Оля стояла посреди дорожки четвертого сектора и с тихой яростью смотрела на свой огромный чемодан на колесиках. Колесики буксовали в рыхлом песке, чемодан упорно заваливался набок, ремень сумки со штативом и фотоаппаратом больно впивался в ключицу, а на правой ладони уже вздулась водянистая мозоль.

— Да чтоб тебя перекосило, чудо китайской инженерии! — выдохнула Оля, в очередной раз с размаху дернув ручку. Чемодан подскочил на корне и с глухим стуком лег плашмя в пыль.

— Девушка, вам трактор подогнать или сразу вертолет МЧС вызвать?

Оля резко выпрямилась, убирая со лба мокрую челку.

Прямо через дорогу, на деревянном крыльце домика номер три — ровно напротив ее окон — стоял он.

На парне уже не было футболки. Ее сменила тонкая серая борцовка с глубокими вырезами по бокам, полностью открывавшими массивные дельтовидные мышцы, рельефные ребра и узкую полоску темных волосков, уходящую под пояс свободных хлопковых шорт. На шее на выцветшем синем шнурке висел металлический свисток. В руках он держал перочинный нож и брусок мягкой липы, аккуратно снимая тонкую, пахучую стружку, но теперь замер, насмешливо глядя на Олину битву с багажом.

Их разделяло всего шагов десять.

Оля почувствовала, как предательский румянец мгновенно заливает щеки и шею. — Сама справлюсь, спасибо! — Оля постаралась придать голосу максимум ледяного столичного высокомерия, но дыхание предательски сбилось, а голос сорвался на высокой ноте.

Парень хмыкнул, одним ловким движением закрыл нож, бросил брусок на скамейку и в три пружинистых шага пересек дорожку. Когда он остановился перед ней, Оля невольно сделала шаг назад, упершись икрой в злосчастный чемодан.

Вблизи он казался еще выше — не меньше ста восьмидесяти пяти сантиметров. От его обнаженных плеч и ключиц исходил осязаемый жар, как от раскаленной печи. Капельки пота блестели в ложбинке на его груди.

— Ну-ну, вижу, как ты справляешься, — протянул он. В его глазах плясали лукавые золотистые искры. — Пальцы уже синие.

Он легко отстранил ее ладонь — его пальцы на долю секунды накрыли ее запястье. Прикосновение было сухим, горячим и твердым. Олю прошило током от кисти до самого затылка. Она затаила дыхание, боясь пошевелиться.

Парень взялся за ручку чемодана, без видимых усилий поднял его на уровень пояса одной рукой, будто в нем были не двадцать килограммов одежды и книг, а пустая коробка из-под обуви.

— Какой домик? Четвертый? — Четвертый, — еле слышно проговорила Оля, шагая следом за ним. Ее взгляд сам собой приковался к его спине. Под тонкой тканью борцовки бугрились широчайшие мышцы, лопатки плавно двигались при каждом шаге, а вдоль позвоночника шла глубокая, волнующая бороздка.

Он взбежал по ступенькам ее крыльца, ногой распахнул сетчатую дверь и аккуратно поставил чемодан у шкафа. — Принимай груз.

Оля встала на пороге, судорожно сжимая в руках блокнот, который так и не выпустила из пальцев. — Спасибо. Сколько я должна за услуги грузчика? — Кофе в лагерном буфете, — не задумываясь ответил он, поворачиваясь к ней лицом. Комнатка была крошечной, и теперь он заполнил собой почти всё пространство. Воздух моментально стал спертым и горячим. — Я Никита. Пед, спортфак. Практикант, вожатый третьего отряда и твой сосед по площадке.

— Оля, — представилась она, заставляя себя смотреть ему прямо в глаза, хотя взгляд предательски соскальзывал на его губы — четко очерченные, чувственные, чуть обветренные. — Журфак. Университет. — Журналистка, значит, — Никита прислонился плечом к косяку двери, скрестив руки на груди. Мышцы на его предплечьях натянулись, проступили толстые синеватые вены. — Опасная профессия. Будешь за нами шпионить? Выискивать нарушения лагерного режима? — Я пишу очерки о вожатых, — сухо парировала Оля, защищаясь от того безумного притяжения, которое заполняло комнату. — О романтике, о педагогике, о призвании. — О романтике? — Никита тихо, хрипло рассмеялся, подавшись на полшага вперед. Теперь их лица разделяло не больше тридцати сантиметров. Оля чувствовала тепло его дыхания на своей щеке. — Тогда ты обратилась по адресу, Оля. У нас тут романтики — хоть ложкой ешь. Особенно после отбоя на причале.

Его взгляд стал тяжелым , тягучим, почти осязаемым. Он скользнул по ее шее, задержался на ключицах, где испуганно билась жилка, и снова вернулся к ее зрачкам. В комнате повисла тишина, нарушаемая только жужжанием шальной мухи за окном да скрипом сосен.

Оля почувствовала, как между ее лопаток стекает капля пота. Внизу живота сладко и тянуще заныло. — Я… я учту, — прошептала она, не в силах разорвать этот зрительный капкан.

Никита медленно выпрямился. На его губах снова появилась та самая улыбка — теплая, сводящая с ума. — До встречи на линейке, журналистка. Не забудь диктофон. Я собираюсь сказать очень умную речь.

Он развернулся и легко сбежал по ступенькам, оставив за собой распахнутую дверь и запах лета, свободы и надвигающейся грозы.

Оля опустилась на край кровати. Пружины протяжно скрипнули. Она прижала ладони к горящим щекам и тихо застонала: смена длится целых четырнадцать дней, и если каждый день будет начинаться вот так — она просто не выживет.

Глава 3. Там ноутбук и диктофоны

К семи часам вечера жара начала спадать, уступая место мягкой, душистой прохладе. Сосны отбрасывали на дорожки длинные синие тени, пахло сырой травой и дымком от кухни, где уже начинали готовить ужин.

Оля сидела на кровати, скрестив ноги, и пыталась работать. Ноутбук грел колени, вентилятор монотонно гудел, но курсор в пустом документе мигал на одном месте уже полчаса. В голове крутился один и тот же образ: широкие загорелые плечи, капли воды на темных волосах и насмешливый, обжигающий взгляд.

Ленка влетела в комнату, как ураган, швырнув на стол пачку цветных мелков. Она щебетала о каком-то методисте Сереже с исторического факультета, но Оля слушала вполуха. Ей нужно было собрать аппаратуру: массивный фотоаппарат с длинным объективом, два диктофона, зарядки, блокноты. Всё это хозяйство весило как снаряжение альпиниста.

Выйдя на крыльцо, она поняла, что до центральной площади, где должно было состояться вечернее собрание, идти добрых триста метров по ухабистой тропинке.

Уже на середине пути сумка стала казаться невыносимо тяжелой. Ремень впивался в плечо, лямка штатива больно колотила по бедру. Оля пыхтела, переступала через выступающие корни сосен и тихо, но очень выразительно материлась себе под нос.

— Девушка, вам не надоело ругаться в детском учреждении?

Голос прозвучал совсем рядом, прямо над ухом. Оля дернулась, едва не выронив диктофон. Никита стоял прямо за ее спиной. Он вышел из густых зарослей шиповника так бесшумно, что она даже не услышала его шагов. На нем были свободные спортивные шорты и серая борцовка, влажная от пота. Ткань прилипла к его торсу, выгодно подчеркивая каждый кубик пресса.

— Ты как лесной дух, — выдохнула Оля, стараясь выровнять дыхание. — Ты вездесущ?
— Я вожатый, Оля. Мы вездесущи по определению, — он усмехнулся, глядя на ее страдальческое выражение лица. — Давай сумку. Ты сейчас в землю врастешь с таким грузом.

Прежде чем она успела возразить, он одним движением перехватил тяжелую сумку с ее плеча. Его пальцы на долю секунды коснулись ее кожи, и Оля почувствовала, как по спине пробежал ледяной разряд, моментально сменившийся жаром. Никита закинул сумку на свое плечо, даже не поморщившись.

— Что там, кирпичи? — спросил он, идя рядом с ней. — Ноутбук, диктофоны, зарядки… моя жизнь, короче. — И вдохновение, — догадался он, посмотрев на нее с той самой притягательной полуулыбкой. — Вдохновение — самая тяжелая ноша. У нас на кафедре анатомии его не изучали, но я видел, как оно гнет людей к земле.

Оля рассмеялась. Он — тоже, и в этом смехе, простом и открытом, было столько искренности, что Оля внезапно почувствовала себя дома. Хотя она была за двести километров от Москвы.

— Ты всегда такой… внимательный? — спросила она, когда они вышли на широкую поляну. — Только к красивым девушкам, которые носят кирпичи в сумках, — ответил Никита, останавливаясь. Он осторожно опустил сумку на скамью у костровища. Его взгляд стал серьезным, почти изучающим. — Тебе здесь нравится? Или всё это — просто работа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.